

Доктора Цзэна всю дорогу так трясло на плече Куй У, что казалось внутренности вот-вот перемешаются. Лишь когда Куй У, мчавшийся с ним галопом по улицам, наконец-то поставил его на землю, тот едва не бухнулся на колени, не то от благодарности, не то от ужаса и, едва отдышавшись, только и смог про себя вымолвить:

- Спасибо, что пощадил мои старые кости.

Но отдышаться по-настоящему он так и не успел, Куй У уже затащил его в дом, буквально перехватив за шиворот.

Стоило переступить порог, как на него обрушилась волна сухого жара, смешанная с густым, тягучим ароматом рисовой каши с кукурузой. Учítывая, что сегодня доктор с утра так ничего и не съел, этот запах вызвал острую боль в желудке. Взгляд его тут же упал на очаг в центре комнаты: прямо на нём стоял глиняный горшок, из которого и тянулся этот пряный, домашний дух. В зимние дни многие зажиточные семьи ставили в спальнях жаровни, кто-то топил древесным углём, кто-то дровами. И чтобы тепло не уходило зря, сверху обычно ставили чайник с водой или что-нибудь варили.

А у Куй У, выходит, варили кашу, должно быть, специально для новобрачного.

Доктор Цзэн про себя кивнул: мол, всё не так, как болтают. Говорят, мол, Куй У злой, грубый, яростный... А посмотрите: не прошло и суток со дня свадьбы, а новобрачный уже слёг, и этот самый Куй У сам готовит ему кашу. Уж если в другой семье случилось бы такое, там, глядишь, и супруга бы упрекнули, и болезнь восприняли бы как дурную примету. А здесь не просто забота, но ещё и каша не простая, а из кукурузного зерна, второго по ценности после отборного риса.

Более того, по пути, пока Куй У нёс его на себе, доктор Цзэн успел окинуть взглядом дом от главного зала до спальни. Мебель, утварь, занавески, столики, даже подставки для угля - всё, на первый взгляд, было новым. По меньшей мере восемь из десяти предметов явно только что приобретены. Это говорило не только о том, что Куй У придаёт большое значение своему новобрачному, но и о том, что семья у него зажиточная, на бедность не жалуется. Если бы не его скверный характер и пугающая репутация, то при таком доме, наверное, и молодая девушка не постеснялась бы предложить выйти за него замуж.

Но доктору не удалось подольше предаться размышлениям: Куй У уже стоял у постели и звал новобрачного.

— Цинь Хэ, ланчжун пришёл, — глухо и тяжело проговорил он.

Хоть он и старался смягчить голос, как мог, но даже при всём желании в нём всё равно оставался холодный, прямолинейный надлом, такой же, как в нём самом.

Хэ Шэн открыл глаза, какое-то время смотрел в потолок, не отвечая. Потом только вспомнил:

Цинь Хэ - это теперь он. Хэ Шэн уже умер. Сейчас он - тот, кто воскрес в новом теле.

С усилием преодолевая одурь в голове, Цинь Хэ вытянул руку вперёд. Он и сам на это не обратил внимания, Куй У тоже не заметил, а вот доктор Цзэн едва не вздрогнул. На бледной, изящной кисти резко проступал багрово-синий след - плотная полоса, стянувшая запястье, будто обод. Смотрелась она настолько пугающе, что даже повидавший многое доктор невольно похолодел.

Доктор Цзэн покрылся потом. Неужели этот Цинь Хэ на самом деле не хотел брака, а прошлой ночью был насильно принуждён Ша-шэнем? Или же слухи оказались правдой, и этот человек и впрямь такой, каким его описывают: жестокий, извращённый, и на ложе обращается с супругом, как с игрушкой, измываясь ради собственного удовольствия?

Доктор тут же одёрнул себя, не смея думать дальше. Притворившись, будто ничего не заметил, он сел к постели и начал нащупывать пульс, сосредоточенно, как будто вся сцена до этого ему только почудилась.

В этот момент и Куй У, обернувшись, наконец заметил синюшный след на запястье своего супруга. Он мгновенно схватил ближайшую тонкую ткань и накрыл пятно, будто оно само его жгло. Лицо его потемнело, налилось тучей, готовой сорваться ливнем.

— Как там мой фулан? — спросил он, и голос прозвучал хрипло, сдавленно, но подчёркнуто тяжело. Два слова «мой фулан» он выделил намеренно, будто ставил печать, заявляя право.

— У брата Циня случился жар от испуга и переутомления, — спокойно ответил доктор Цзэн, — ничего страшного, пара дней покоя, тёплая еда, пару отваров и всё наладится. Главное не волноваться.

Взгляд Куй У потемнел, стал глубоким, как ночное озеро. Цинь Хэ невольно покосился в его сторону, и в этой тишине ему показалось, что в чёрных, как бездна, глазах зарождается буря. Такая, что, если начнётся, то сметёт всё. Прямо как во времена апокалипсиса, когда сильнейшие из наделённых способностями сражались с королями зомби. Вот только он не сильнейший. Он обычный человек. И если здесь поднимется шторм, он не выстоит.

Прожив в апокалипсисе больше двух десятилетий, Хэ Шэн, как простой человек, сумел выжить лишь благодаря безупречно развитому инстинкту самосохранения. И пусть тело Цинь Хэ было слабым и не позволило ему соскочить с постели, нервы взвились в ту же секунду.

— Я испугался не вчера, — поспешно заговорил он. — До свадьбы случилась одна вещь... тогда я сильно перепугался, поднялась температура. А потом лекарств не пил, вот и затянулось, стало хуже.

Что за вещь могла напугать до лихорадки? Разве не очевидно, что это сама свадьба с Куй У? Этого ужаса хватило бы, чтобы напугать любого шуаньэра в Дишуге до дрожи в костях.

Но Куй У в этот момент стоял с лицом, холодным, как ледник. Цинь Хэ бросил на него взгляд и сразу заторопился:

— Это... было связано с неприятной историей между братом и сестрой. Потом расскажу тебе, наедине.

Только тогда лицо Куй У чуть смягчилось. Но лишь на миг. Спустя несколько дыханий оно вновь потемнело, как штормовое небо.

Доктор Цзэн продолжал смотреть себе на нос, сосредоточенно дыша, будто бы и вовсе ничего не слышал.

Куй У тяжело посмотрел на Цинь Хэ, затем, не говоря ни слова, хлопнул доктора по плечу с такой силой, что чуть не сплющил его маленькую сухую фигуру.

— Пойдёмте, — буркнул Куй У. — Я с вами, сам возьму лекарство.

В аптеке было людно, но стоило Куй У переступить порог, как по залу словно пронёсся порыв ледяного ветра - лица у всех побледнели, дыхание затаилось. Казалось, сами стены вжались назад, а люди съёжились, как мыши при виде хищника.

Куй У и виду не подал, что замечает реакцию. Подошёл к стойке и небрежно махнул широкой ладонью:

— Живо, соберите мне лекарство.

— Есть! — доктор поспешно подбежал к полкам, зашуршал ящичками, ловко извлекая нужные снадобья. Когда же его рука потянулась к одному из ящичков, он на миг замер, глаза его чуть сузились, в голове мелькнула мысль.

— Куй-далан, — проговорил он с легкой осторожностью, — а может, взять ещё немного тонизирующего?

— Какого ещё тонизирующего? — нахмурился Куй У, его густые брови тут же сошлись над переносицей, придавая лицу пугающее выражение.

Доктор Цзэн сдержанно откашлялся, прикрыв рот кулаком:

— Кхм, брат Цинь телом слаб. — он бросил быстрый взгляд на огромную фигуру Куй У - широкие плечи, руки, как у кузнеца, грудь, будто сложена из камня, — и закончил, понизив голос: — А вы, далан, человек мощный. Я боюсь, брат Цинь может не справиться. Надо бы немного поддержать его, чтобы легче выдерживал... ну, ваше обращение.

Куй У, казалось, серьёзно задумался. И правда, в брачную ночь он и приступить-то не успел, как новобрачный уже потерял сознание.

— Клади, — хрипло скомандовал он. — Побольше клади. Надо его как следует восстановить.

— Хорошо-хорошо! — радостно закивал доктор Цзэн, быстро наполнив несколько мешочков - большой, средний, малый, набрал целую охапку. В глазах у него блеснул довольный огонёк: одна только покупка тянула на добрый лян серебра. Настроение его тут же пошло в гору, и страх перед Куй У, этой живой грозой, неожиданно отступил. Даже глаза от удовольствия превратились в узкие щёлочки.

Куй У взял у него лекарства, но вдруг, как бы невзначай, бросил:

— Впредь зови его Куй-фулан.

— А? — опешил доктор Цзэн, не сразу поняв, о чём речь.

Куй У уже развернулся и, не оборачиваясь, широким шагом вышел из аптеки.

Стоило за ним закрыться двери, как весь зал, ещё недавно погружённый в мрачную тишину, тут же зашумел. Те, кто только что сидел, будто на краю могилы, вдруг воспряли духом и мигом сбежались к стойке, облепив врача с четырёх сторон.

— Цзэн-ланчжун, вы только что у Ша-шэня в доме были? Его самого-то не боитесь?

— А как там тот его шуаньэр? Ещё живой?

— Ша-шэнь его не побил? Слышал, Куй У любит... ну, вы поняли... такое, чтобы и бил, и... — дальше все свелось на шепот, но суть передалась отчётливо.

— Говорят, он извращён до последней кости, у него с головой, вроде, не всё в порядке. Правда?

— ...

Вопросы сыпались, как град, - нелепые, бессовестные, щекотливые, полные догадок и злорадства. Но доктор Цзэн и не подумал сердиться, наоборот, глаза его загорелись ярким огнём сплетни, лицо просветлело.

— Слушайте, расскажу, только никому не говорите! Брат Цинь, этот бедняга, совсем из сил выбился. Когда я пришёл, он лежал в постели, жар, как у кипящего чайника. Я только пульс прощупал и сразу заметил: на том месте, где запястье выглядывало из-под рукава, всё в

синяках! Вся кисть! Я, честно, аж вздрогнул. Страшное дело...

Доктор Цзэн рассказывал так, что услышанное раздувалось в несколько раз по сравнению с тем, что он на самом деле видел, то ли намеренно, то ли сам не заметил, как фантазия увлекла за собой.

— Вы только представьте, — продолжал он возбуждённо, — при его-то сложении, с его габаритами, а этот брат Цинь - спичка рядом. Да там и обычной супружеской ночи хватит, чтобы с постели не встал! А ведь говорят, у Ша-шэня особые вкусы... Я вам скажу, когда я пришёл, тот бедняжка глаз с него не сводил. Молчит, только взглядом выражение лица его ловит, как будто боится, что слово скажет не то, и быть беде. Жалость одна...

В самой гуще слушателей стоял Ли Чанфу. Руки его сжались в кулаки, костяшки побелели, лицо налилось кровью, взгляд стал безумным, будто сейчас он воткнёт кулак в первое, что попадётся под руку.

А тем временем Цинь Хэ дома, выпив две порции отвара, одну от жара, другую укрепляющую, вскоре задремал. Лекарства подействовали быстро, и он почти сразу погрузился в тяжёлый, но глубокий сон. Куй У тем временем обошёл весь дом, потом вернулся, встал у изголовья, посмотрел на своего новобрачного. Тот лежал в постели, бледный, с уставшим лицом, и казался особенно хрупким. Взгляд Куй У скользнул к очагу: в глиняном горшке оставалась тёплая каша. Он вспомнил, с каким упоением Цинь Хэ её ел, словно не еду, а редчайшее лакомство, и внутри защемило что-то странное, неудобное.

Хочется приготовить ему что-нибудь другое. Что-то вкуснее. Только вот... кроме каши он, кажется, ничего и не умеет.

Поколебавшись, он всё же вышел из дома и направился в конец улицы, к дому семьи Сян.

— Сян-дасао* дома? — глухо позвал он, и, прежде чем дожидаться ответа, приложил ладонь к дверце.

(ПП: Сян-дасао — уважительное обращение к женщине, старшей по положению, примерно: «старшая сестра из семьи Сян» или «старшая Сян».)

Маленькая деревянная дверь, едва доходившая ему до груди, зашаталась от удара. Для обычных людей она была вполне подходящей, а вот в руке Куй У казалась не дверью, а детской игрушкой - лёгкой, хрупкой, словно макет.

— Дома! — услышался голос изнутри, и в следующий миг дверь приоткрылась, выпуская на порог женщину чуть за тридцать, с аккуратным повязанным платком на голове. Увидев за дверью Куй У - фигуру, возвышавшуюся над дверным проёмом на целую голову, она с заметным облегчением вздохнула, а затем обернулась вглубь дома и тихо, успокаивающе сказала:

— Это Куй-далан.

В комнате, где до этого царила напряжённая тишина, можно было услышать, как кто-то с облегчением выдохнул. Молодая девушка, державшая в руках деревянную дубинку, явно готовилась к обороне. Сначала она порывисто опустила руки, собираясь отбросить её в сторону, но тут же передумала и снова крепко вцепилась в рукоять, будто отказываясь терять бдительность.

Хозяйка, объяснив, кто пришёл, улыбнулась и уже без тени тревоги распахнула дверь пошире, тепло и приветливо шагнув навстречу.

— Что привело далана сегодня? — спросила она с доброжелательной улыбкой, снимая засов. — Мороз такой, заходи скорее, погрейся. Мы как раз недавно разожгли очаг, в доме стало потеплее.

Город Дишуй располагался на землях, находящихся под контролем Канцзин-вана, и считался глухим пограничным городком. Здесь, вблизи границ с кочевыми народами вроде ху и цян, жизнь нередко оказывалась втянутой в круговерть военных стычек. Именно потому местный люд был грубоват, с норовом, закалённый, недоверчивый, не привыкший к покою. Но вместе с этим суровым нравом шла и бедность, настоящая, без прикрас.

В таких краях зимой лишний раз топить очаг - непозволительная роскошь. Если кто-то и разводил огонь, значит, без этого уж совсем было нельзя. Ведь даже связка дров обходилась в медную монету, и многие, сжав зубы, терпели холод, лишь бы сберечь последние гроши.

Сян-дасао хорошо знала, что Куй У за человек. Знала и то, что, сколько бы ни трещал мороз, он, с его телосложением и телесной силой, никогда не станет ради себя одного разводить в доме очаг. Тут было дело не в скупости, а в том, что Куй У попросту считал: ему тепло и так.

Тем временем молодая девушка из дома Сян, та самая, что ещё недавно пряталась с дубинкой, уже вышла наружу и теперь стояла рядом с матерью, по-прежнему сжимая оружие в руках.

Куй У перевёл на неё взгляд. Увидел дубинку и даже бровью не повёл. Напротив, кивнул с видом полной одобрительности, как будто увиденное пришло ему по душе.

— Вот так и надо, — хрипло произнёс он. — Не вздумайте расслабляться. Не стоит думать, будто раз уж ху подали прошение о мире, теперь нам можно жить спокойно. Эти люди хитры до мозга костей, никто не знает, что у них на уме, и не стоит доверять первому слову. Мир это или ловушка, только ван узнает, когда вернётся из столицы.

Канцзин-ван, правитель этих пограничных земель, был в Дишуге личностью не просто известной, а легендарной. В городе, возможно, и не каждый знал имя самого императора, но уж кто такой Канцзин-ван, знали все, от стариков до младенцев.

Молодая девушка из семьи Сян упрямо вытянула шею, будто намеренно хотела показать, что ничего не боится. Лицо Сян-дасао вытянулось от неловкости. Она поспешно шикнула на дочь:

— Ты что удумала, опусти голову!

Потом обернулась к Куй У и уже с извиняющимся тоном добавила:

— Далан, не принимай на себя. Маленькая, разбалованная. Отец её давно умер, вот я и потакаю, не могу не жалеть.

Куй У не ответил ни слова и, по виду, вовсе не обиделся. Не потому, что был таким уж великодушным, а просто... не счёл нужным. Ведь муж Сян-дасао, Сян Тежу, был одним из его людей, верным бойцом в его караване. Их торговая дружина выходила из Дишуя, проходила через земли ху и цян, меняя маршрут каждые два-три города, а затем возвращалась обратно. В городе они вели торг с купцами из столицы и других крупных земель, зарабатывая на разнице в ценах. Доход был неплохой, но дорога смертельно опасной. Племена ху были дикими и свирепыми, и порой, завидев караван с людьми из Юнцзи, они нападали без причины. Ни слова, ни предупреждения, просто рубили и брали, что хотели. Потому мало кто из юнцийцев решался вести дела с ху.

Но Куй У не боялся. От природы он был наделён нечеловеческой силой, а с юных лет овладел и искусством боя. С каждым успешным походом его храбрость лишь росла. Конечно, без потерь не обходилось, в отряде бывало и раненые, и переломы, и даже изувеченные, но вот погибали редко. Слово сама смерть старалась обойти их стороной.

Только в прошлый раз не повезло. Их путь пересёкся с вооружёнными отрядами ху, и в том столкновении погиб Сян Тежу. Сян Тежу был ему не просто подчинённым, они с Куй У вместе выросли, ещё босоногими ребятами гоняли по улицам. В последние минуты жизни, сжимая руки друга, он, задыхаясь от крови, успел сказать лишь одно: дома у него остались жена и дочь. Одна надежда на Куй У, чтобы не дал их в обиду.

Если брат просит перед смертью, каким бы ни был ты камнем, не откажешь. Куй У не только передал вдове долю погибшего, всё, что причиталось по договору, но и от себя добавил двадцать лян серебра. Не ради благодарности, а потому что иначе не мог, ведь братское обещание должно быть исполнено.

С тех пор он регулярно заходил к ним в дом. Не ради еды, не ради разговоров. А чтобы весь Дишуй знал, что семья Сян под его защитой. И кто посмеет тронуть вдову с дочерью, пусть потом не жалуется, если нарвётся на его кулак, который ни пощады, ни родства не признаёт.